

Шалыпин Ф. И.

17.01.97

Москва, правда - 1997 - 17 янв - с. 15

▼ СТАРОЕ=ДОБРОЕ

МОСКОВСКАЯ
ПРАВДА

Ираклий АНДРОНИКОВ, из воспоминаний "К музыке" ("Музычна Україна", Киев)

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЛИ СТАРЫЕ МОРЯКИ

Окончание. Начало в МУЗБОЗе №3 (098) 1997

В конце 1917 года Шалыпин выступал в Мариинском театре, в концерте для фронтовиков. Солдаты и матросы сидели в театре в полушубках и валенках, внимательно слушали Шалыпина. В зале было холодно. В то время в Петрограде был топливный кризис, население получало дрова на вес – не более пуда.

В 1918 году я был членом Военного отдела Народного комиссариата по морским делам. Мы располагались в бывшем здании Гвардейского экипажа. Тут из матросов формировались экспедиционные отряды. К нам часто приходили артисты Мариинского театра. Шалыпин своим исполнением песен умел поднимать настроение, умел воодушевлять уходивших на фронт моряков. Перед каждой отправкой матросов мы старались устроить концерт для них в нашем кинотеатре "Школюнг". На этих концертах выступали певцы Сибиряков, Пиотровский, балерина Люком и другие. После концерта артисты поднимались на второй этаж, и мы с ними расплачивались продуктами: кому давали фунт муки, кому – полфунта сахару, кому – селедки. Один раз Шалыпин и Сибиряков были так тронуты этим вниманием, что здесь же, в Военном отделе, запели какой-то дуэт, не помню какой. Мы с большим вниманием слушали их. А потом все сошли вниз и провозжали отряд моряков, уходивший на фронт.

В конце того же, 1918 года Шалыпин выступал для матросов в Мариинском театре. Он был в подпоясанной шнуром голубой рубашке и высоких сапогах. Запел "Дубинушку" и всех заставил петь. По его знаку весь зал подхватил: "Эх, дубинушка, ухнем!". После концерта весь театр гремел – мы благодарили Федора Ивановича за то, что он пел для нас. Было торжественно!

Но случилось, что Шалыпин ставил нас, членов Военного отдела, в трудное положение. Один раз запросил полпуда муки. Это по тем временам! Нам пришлось посоветоваться, дать ли столько. Но после его концерта матросы всегда загорались – решились дать.

В 20-х годах я служил на Гидроавиационной базе Балтфлота. Наш отряд был расквартирован на Каменноостровском проспекте, а за углом был дом Шалыпина. Многие матросы нашего отряда ходили к нему на квартиру, и он с ними охотно беседовал на разные темы.

В последний раз я встретился с Шалыпиным весной 1921 или 1922 года – сейчас трудно вспомнить. Мы ехали на грузовике по служебным делам по Каменноостровскому, ныне Кировскому, проспекту. У нас были бочки из-под бензина. На проспекте стоит Федор Иванович, в сером костюме, с тросточкой, на руке пальто. И машет нам тросточкой: "Моряки, вы куда едете?" Мы отвечаем ему: "На Гутуевский остров". Он просит, чтобы мы взяли его на грузовик – в Петрограде с транспортом было плохо. Так мы, стоя в кузове, и ехали с Шалыпиным. Он сказал нам, что ему надо в портовую таможену, что он уезжает на гастроль за границу. В грузовике бочки железные катались, и стоять было трудно. Но мы довезли Шалыпина до портовой таможи. Федор Иванович испачкал свой костюм, но мы его бензином отчистили и распрощались с Шалыпиным. Больше нам не суждено было свидеться".

Так заканчиваются воспоминания бывшего матроса Балтийского флота Николая Павловича Ядрова, члена КПСС с 1924 года.

Знакомство с ним привело к тому, что в моих руках

оказался еще один документ о Ф.И.Шалыпине. Н.П.Ядров заочно познакомил меня с близким своим другом – моряком А.Е.Воробьевым.

Александр Ефимович Воробьев – старый большевик. В начале 900-х годов он работал в Нижнем Новгороде вместе с Я.М.Свердловым. Потом служил в Балтфлоте. В октябре 1917 года вместе с Ядровым штурмовал Зимний, был начальником караула в Смольном, у В.И.Ленина, потом первым комиссаром Балтфлота. Много энергии отдал А.Е.Воробьев организации экспедиционных отрядов морской пехоты, уходивших на фронты гражданской войны.

В письмах А.Е.Воробьева содержатся важные сведения о помощи, которую Ф.И.Шалыпин оказал подпольной организации нижегородских большевиков. Вот что рассказывает Александр Ефимович:

"Помнится, это было в году 1902 или 1903-м. Федор Иванович Шалыпин пел на Нижегородской ярмарке, в Ярмарочном театре. Я работал в ту пору на Сорном заводе, был профессиональным революционером.

Нам была необходима денежная помощь на покупку печатного агрегата. Яков Михайлович Свердлов, Иван Чугурин (работавший в большевистском подполье на Урале) и я поехали к Алексею Максимовичу Горькому, чтобы посоветоваться.

А.М.Горький очень сочувственно отнесся к нашей идее и поехал с нами на ярмарку, в оперный театр, к Федору Ивановичу Шалыпину. В театре шла репетиция оперы "Фауст", в которой Шалыпин пел партию Мефистофеля. После репетиции Федор Иванович встретил нас в своей артистической уборной. Горький изложил ему нашу просьбу.

– А это не опасно? – спросил Шалыпин. – Ведь вы рискуете многим!

Алексей Максимович ответил ему, что мы народ опытный.

Шалыпин сказал Алексею Максимовичу, что даст ответ на следующий день, а нас пригласил в оперу, принес три контрамарки.

Когда мы вышли от Шалыпина, Горький сказал Свердлову:

– Ты обязательно послушай с ребятами оперу "Фауст". Шалыпин второй раз будет петь Мефистофеля.

В этот вечер я впервые услышал Шалыпина. Это был настоящий дьявол! Вся публика была потрясена его голосом и игрой. Театр дрожал от оваций.

Через три дня Я.М.Свердлов сообщил, что деньги получены. Агрегат был куплен, и вскоре подпольная типография заработала.

А мы продолжали получать от Федора Ивановича контрамарки и ходили слушать оперы, в которых он пел. Не раз он приводил нас к режиссеру, и мы участвовали статистами в операх "Аида" и "Демон".

В 1918 году, когда я был первым комиссаром личного состава Военно-Морского Балтийского флота, Я.М.Свердлов вызвал меня в Смольный и спросил:

– Чем может ваш флот помочь железнодорожникам Украины?

Я подумал и ответил, что мы можем устроить в Летнем саду концерт с участием Шалыпина. Яков Михайлович обещал нам напечатать афиши и дал возможность организовать концерт в Летнем саду. Я поехал к Шалыпину на Петроградскую сторону (улицы теперь не помню). Когда я напомнил ему о наших встречах в Нижнем Новгороде, он усадил меня в кресло и мы стали говорить о прошедших годах. Федор Иванович был очень любезен и не только согласился выступать в нашем флотском концерте, но написал нам рекомендательные письма к артистам, которые могли бы также принять участие в нем.

В тот вечер, когда состоялся концерт, была прекрасная погода. У входа в Летний сад стояли моряки и продавали билеты. В середине сада мы установили высокую площадку, с которой выступали артисты.

Чудесно пел Шалыпин! Было так тихо, что его прекрасный голос был ясно слышен и публике, которая не смогла попасть в сад, а стояла за решеткой и слушала наш флотский концерт. Помню, сбор был колоссальный для того времени. После концерта стали думать, как отблагодарить артистов. Решено было преподнести им армейские пайки.

В дальнейшем мы не раз приглашали Шалыпина в Морской корпус и в Гвардейский экипаж. Эти выступления Шалыпина долго-долго вспоминали потом военные моряки. Великий артист шел в народную массу без гордости и занаяства. Вот почему мы в те суровые годы с особым удовольствием слушали, как Шалыпин пел "Есть на Волге утес..." или "Дубинушку".

И нам, ветеранам, хочется, чтобы память о народном русском певце была сохранена для будущих поколений".

Это письмо, так же как и воспоминания Н.П.Ядрова, еще раз – и очень авторитетно – подтверждает силу шалыпинского искусства, свидетельствует о том, какое огромное воздействие оказывало пение Шалыпина на людей, совершивших величайшую в мире революцию.

В конце письма А.Е.Воробьев ставил вопрос об организации музея Ф.И.Шалыпина, о чем, кстати сказать, пишут многие. И действительно, пора создать в Москве такой музей. Пора в полную меру оценить вклад Шалыпина в русское и мировое искусство.